

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

от 18 апреля
1981 г.

г. Москва

Встречи

Наталья
Дурова:

ДАЕМ УРОКИ ДОБРОТЫ

Тот давний день, когда я впервые шел брать интервью у дрессировщицы Натальи Юрьевны Дуровой, хорошо мне запомнился. По сути своей профессии репортер и сам может кого угодно приручить, заставить разговариваться, подобрать и оттаять душой. И я, помнится, направляясь в Московский театр зверей имени В. Л. Дурова, прикидывал, как бы половчее «приручить» дрессировщицу, но свои силы явно переоценил, забыв, что Наталья Дурова, укротительница потомственная. В течение пяти минут популярная артистка приручила... меня. Чем! А все тем же, чем покорила она и своих пернатых и четвероногих друзей, — лаской,

вниманием, мягкостью, добротой. Через две минуты после знакомства я уже стал «чудесным, замечательным, милым человеком», через три — послушно передвигал по кабинету неудобно стоящие предметы реквизита, а пудель с петухом уже приняли меня за своего, через четыре минуты я получил в подарок от писательницы Дуровой веселую книжку про зверей с трогательным автографом, а через пять минут Наталья Юрьевна согласилась ответить на все мои вопросы.

С тех пор у нас было множество добрых встреч, и вот накануне дня ее рождения, ее юбилея, я снова — на улице Дурова.

— Наталья Юрьевна, разрешите начать нашу беседу с «юбилейного» вопроса: зачем нужен театр зверей?

— Недавно мы отметили его 70-летие, еще раньше справили новоселье, строительные работы продолжают, «артистов» в театре становится все больше — сейчас у нас около трехсот зверей и восемнадцать дрессировщиков... Само время, выходят, доказывает: театр наш нужен. Теперь вторая часть вопроса — зачем? Если очень коротко: чтобы не прерывалась связь человека и природы, чтобы подрастающее поколение обретало в себе человеческие качества. В условиях города, жесточайшей урбанизации ребенку бывает трудно ощутить себя частью природы и понять, как надо бережно к ней относиться. А ведь так хочется, чтобы на наших лугах цвели ромашки и колокольчики, чтобы в наших лесах можно было услышать удивительный, не сравнимый ни с какими духами мира аромат ландышей и лесных фиалок. Но как научить маленького человечка не вырывать с корнем все то, что ему одному не принадлежит? Вот этому, я считаю, и служит наш уникальный — такого больше нигде нет — театр. Мы стараемся воспитать в ребенке ответственность за все живое, что его окружает.

— Значит, общаясь с животными, которые в общем-то и не хорошие и не плохие, человек все-таки становится лучше?

— Да. В нашем театре каждый видит, что человек и животное достигают взаимопонимания, становятся друзьями. И это знание остается навсегда. Ну, а как потом поднимешь руку на

друга? Сделаешь ему больно? Если хотите, наши спектакли закладывают в юную душу основы человеколюбия, милосердия. Разве этого мало?

— Вы всю жизнь были рядом с животными. Как повлияло это лично на вас, на ваш характер?

— С того самого дня, когда в четыре года я с папой за руку вышла на арену, животные составляли для меня самое главное. Наша семья могла строить радужные планы, но стоило заболеть мышке или захворать слону, как все летело в тартарары. Их беды становились нашими. В условиях бесконечных переездов кого-то всегда надо было спасать, кого-то выхаживать. Города западали в память в связи с такими событиями, как спасение морского льва или прием в труппу облезлого кота, который становился потом артистом. Поэтому я совершенно не понимаю таких «увлечений», как везицизм, таких черт характера, как эгоизм, равнодушие. Моя работа, а это одно и то же, что и моя жизнь, привила мне чувство глубочайшей ответственности за всех тех, кого я приручила.

— А не развивает ли работа дрессировщика такие черты, как властность, категоричность, не появляется ли ощущение превосходства над другими, а то и величия? Ведь вам даже слоны и волки подчиняются...

— Я считаю, что если нечто подобное почувствуешь в себе, пора менять работу. Ведь звери тут же обнаружат перемену. Наш дуровский принцип: только содержание! Человек животного — друг. Наставник, если хотите... Старый, неписанный закон циркового манежа гласит: слу-

чись у дрессировщика горе или радость — чувства настолько огромные, что он не может скрыть их от своих животных, — дрессировщик не имеет права выйти на манеж. Животные чувствуют малейшее изменение вашего настроения.

— Вы человек смелый, мужественный. Помню, у меня мурашки по спине побежали, когда я увидел, как трехтонная слониха Маша перешагивала через вас...

— Спешу задним числом успокоить: трюк этот не очень опасный, слон — животное аккуратное. Но опасность в нашем деле действительно не исключена: случаются, как известно, и весны у животных, бывает, что зверь не может подавить в себе какой-то инстинкт. Об опасности всегда приходится помнить. И вы знаете, это помогает отстраняться от всего мелочного, суетного, помогает научиться ценить не жалкий твой скраб, а живой трепет жизни, каждое ее проявление, будь то дерево, травинка, кошка, голубь, собака...

Нельзя, ни в коем случае нельзя утрачивать эту связь, это чувство солидарности со всем тем, что тебя окружает. Нельзя нарушать эту не нами придуманную экологическую цепочку. На месте разрывов возникают черствость, бездушие, эгоизм. И вот уже если кто-то крикнет на улице: «Помогите!», иной человек проходит мимо: мол, моя хата с краю... А я не хочу, чтобы хаты стояли с краю! Я хочу, чтобы все двери были распахнуты настежь.

— Ну а жестокость? Откуда она приходит?

— Все из тех же порванных

«черных дыр». Вот вам случай, свидетельницей которого я стала. Еду на ветстанцию делать операцию своей старой собаке. По дороге вижу странную пару. Впереди идет дородная женщина с большой хозяйственной сумкой, а сзади бежит мальчишка лет десяти. Такого лица, таких слез и такого крика: «Тетя, не надо!» — я потом не могла забыть. Первое желание было — открыть дверцу, выскочить и узнать, в чем дело. Но поток машин был такой сильный, что сделать это оказалось невозможным. И вот перед ветстанцией я их снова увидела, подошла к мальчику и спросила: «Что с тобой случилось? Не могу ли я чем помочь?» А женщина говорит: «Да ничего с ним не случилось! Из-за какого-то паршивого помоечного кота рыдает, как маленький». «А что с твоим котом?» Но женщина не дает мальчику слова сказать: «Ничего особенного, нашел его где-то, вылечил, даже справку мне принес, что кот здоровый. А у нас новая квартира, новые обои, новая мебель. На паркет без конца его «визитные карточки». Вот и несем кота уничтожать». При слове «уничтожать» плечи мальчика задрожали. Я заглянула в его осунувшееся серое лицо. Там не было детских глаз. Они превратились в глаза взрослого человека. В них стояло горе. Когда я попросила женщину показать мне кота, она расстегнула сумку, и оттуда появилась голова простого «помоечного» существа. По зрачкам кошек мы обычно определяли время суток,

а тут два расширившихся зрачка были наполнены таким ужасом, таким явным предчувствием беды, что определить можно было только одно: коту также невыносимо плохо, как и его хозяину. Я тогда сказала мальчику: «Ты не расстраивайся, я возьму твоего кота, я — дрессировщик, сделаю из него артиста, а ты будешь его навещать, ласкать». Но женщина не согласилась. Тогда я сказала ей, что сегодня вы поселите в сердце ребенка такую трагедию, которая породит жестокость, и неизвестно, чем это может обернуться лет через пятнадцать. Быть может, придет уже не мальчик — мужчина домой и скажет: «Дорогая тетя! У меня новая квартира, современный интерьер, и вы совершенно к нему не подходите — ни к этой мебели, ни к этим обоям, вы только портите вид...». На обратном пути снова увидела эту пару. Впереди шел совершенно успокоившийся мальчик с тяжелой сумкой, сзадиковыляла знакомая женщина с красным носом и заплаканными глазами. Видно, что-то поняла...

— Это почти готовая новелла... Кстати, Наталья Юрьевна, примите поздравления в связи с выходом в свет вашего одноименника «Избранное».

— Спасибо. Но это уже как бы отошло от меня. Сейчас работаю над книжкой «Мир, дети, театр», жанр ее — публицистика. Она адресована и детям, и взрослым, это мои размышления о деле, которому посвятила всю жизнь, о подрастающем человеке, об окружающем нас мире...

— Две новеллы «Счастье» и «Про синицу», которые появились недавно в «Советской культуре», из этой книжки?

— Нет, новеллы стоят особняком. Действительно, многое во мне переменялось за последнее время. И юбилей солидные приютят, и боль невосполнимых утрат. Умер муж. С Михаилом Пантелеймоновичем Болдуаном, народным артистом СССР, мы прожили тридцать лет. На зывали «сиамскими близнецами» — две головы, одно сердце. И теперь словно ополовинили меня... На белый лист бумаги ложатся новые слова — слова исповеди, зрелости, откровения... Жизнь, как ни странно, продолжается.

Беседу вел Р. АРМЕЕВ.